

14 декабря. Анадырь

Дорогой Валентин Яковлевич!

Я не ответил на Ваше письмо, потому что вылетел на Чукотку неделей раньше. Только сейчас понимаю, сколь это удачно. Мне казалось, десяти дней будет достаточно, чтобы собрать материал. Но для Чукотки десять дней — ничто. Неделя ушла только на то, чтобы прийти в себя.

Интересного не просто много. Интересно все. Сначала я был в Билибино и теперь знаю, что такое полярная ночь. Едва ли у меня хватит способностей передать впечатления в письме, предположу лишь, что человеку, прожившему на Псковщине, вряд ли когда-нибудь привидятся пейзажи, какие можно наблюдать на Чукотке. Также родившийся и проживший на необъятных просторах тундры, среди сопok, едва ли представит мир вокруг Савкиной горки, с гогочущими гусями, мычащими коровами, квакающими лягушками и каркающими воронами. Кажется, вся природа разместилась между этими двумя полюсами.

В Анадыре нет такого дикого холода, как в Билибино, зато дует ветер, от которого я скрываюсь в краеведческом музее.

В одном из залов музея развернута экспозиция чукотской литературы и литературы о Чукотке. Кто только о ней не писал! Врачи, геологи, летчики, учителя, моряки... Одни между делом вели дневники, другие черкали заметки, третьи описывали быт. Не для истории — для себя. Ведь приехавший с материка попадал в совершенно новый мир, где была другая природа, другие отношения, все другое. Руки невольно тянулись к перу. Стараниями работников музея, и в первую очередь Екатерины Павловны, заведующей литературной частью, все эти дневники и записи сохраняются.

Что до самого творчества, то, по словам Екатерины Павловны, которая много лет следит за чукотской литературой и

за литературой о Чукотке, положение здесь неопределенное. Хотя и конкурсы проводятся, и мероприятия разные и присуждаются премии имени Юрия Рытхэу (десять тысяч рублей победителю), прорыва пока нет. Все содержание чукотской литературы — в каком-то мечтательном взгляде в невозвратное. Редко кто рискует размышлять о будущем. Нет исканий, не задаются писатели сложными вопросами, а значит, и ответов на них не ищут. Не задумываются чукотские литераторы и о том, что происходит сейчас. Нет в чукотской литературе и настоящего героя, который мог бы стать национальным символом, через которого Россия и остальной мир поближе узнали бы Чукотку, поняли заботы и беды живущих здесь людей. Никто не поведал, какие духовные изменения произошли на Крайнем Севере и какие внутренние противоречия испытывают коренные жители после распада СССР. Хотя бы одним предложением, одной фразой кто-нибудь разродился... Писатель, если только он хочет быть услышанным и понятым, должен разговаривать доверительным, негромким и спокойным тоном. Северяне во многом разуверились. Их все время обманывали: обещали, призывали, укрупняли, разукрупняли... Теперь люди уже ничего не ждут. Они смирились с тем, что их все равно обманут. Чукчи и эскимосы горделивы. У них нет комплекса неполноценности, а внутренняя гордость — от сознания того, что только они могут жить там, где больше не сможет жить никто. И работу свою могут выполнять только они. Им, конечно, обидно, что в ходу анекдоты про чукчу, недоразвитого и слабоумного. Но относятся они к этим анекдотам с юмором и сами не прочь их рассказать.

Откуда пошли эти анекдоты? В одной из статей некто Борис Шишлов написал, что «основоположником» анекдотов про чукчу следует считать Юрия Рытхэу. Дескать, в его произведениях чукча выведен однобоко, только с внешней стороны, запечатлен в рудиментарных, единовременных действиях: просыпается, умывается, чистит зубы, ест, влюбляется, слушает музыку, ходит в театр... Писатель словно доказывает: чукча — тоже человек.

Рытхэу пишет добросовестно, но так, как его учили и как должен писать о малых народах советский писатель. А нужно нечто иное. Почему-то американский индеец выведен в герои. Он сильный, ловкий, отважный, метко стреляет — словом, мужчина во всех смыслах. Чукчи или эскимосы — тоже ловкие стрелки и искусные охотники. Они не менее отважны, а сфера их жизнедеятельности шире и романтичнее: здесь есть море, Ледовитый океан.

Валентин Яковлевич, вероятно, я вторгаюсь во что-то мне неведомое, но я лишь передаю слова чукотского литературоведа, собирателя и охранителя духовных ценностей, а кроме того — чуткой и внимательной женщины, чукчанки, прекрасно говорящей на родном языке и у которой не грех поучиться русскому. Я и сам размышлял, откуда пошли анекдоты про Василия Ивановича и Петьку, пока в очередной раз не посмотрел «Чапаева».

...Когда говорят о национальной литературе, имеют в виду и язык, и духовную первородность, и неотрывность от земли, со всей ее историей, с бедами, несчастьями и радостями, которые на этой земле произошли. И донести до остального мира все это можно лишь тем языком и с той душевностью, которые родились, выстояли, а затем, любя и страдая, просуществовали на этом куске земли, унаследовали ее память, впитали ее соки и ароматы, усвоили все цвета и оттенки, уловили каждый звук и даже шорох и воплотились затем в творении богобоязненного, но отчаянного человека. Если то же самое, твое, исконное, родное, стараться донести с помощью чужого языка, иной формы и другого миропонимания, получится лишь анекдот, и хорошо, если смешной.

Если бы меня перенесли в ярангу и поручили настрогать обледенелого чира, то есть совершить нечто простое, вроде нарезки хлеба или очистки картофеля, то действия мои вызвали бы бурю смеха у местного населения. А представьте наше участие в охоте на нерпу или лахтака! Поверьте, не будет нелепее картины, если перенести на заснеженные тундровые просторы

пушкиногорских гусей с коровами и огласить величественное безмолвие чукотских далей хрипловатым гоготом и унылым мычанием. Да если к ним добавить лягушачье кваканье, едва слышную гармонь из соседнего селения и чью-то брань... Обхохочешься.

Крайний Север и Чукотка полны преданий, легенд, сказок и сказаний, из которых произойдет национальная литература. В этом смысле чукотская земля напоминает Россию предпушкинского века. И если только найдется избранный, способный услышать, увидеть, прочувствовать и все это ясно передать, появится художник, который скажет и напишет о Чукотке так, как сказал бы и написал каждый ее житель, если бы умел это делать. Мне кажется, это будет женщина...

Екатерина Павловна считает, что так и произойдет. Она верит в молодых писателей и поэтов, знающих язык, могущих не только изъясняться, но и писать. Верит и в то, что новые таланты будут поддержаны властями и бизнесменами, что они смогут издавать свои книги, а из тоненьких «Записок Чукотского литературного музея» вырастет толстый литературный журнал или альманах, который объединит писателей и поэтов всех народов Чукотки.

Что касается книг, написанных о Чукотке писателями материковыми, если так можно выразиться, то здесь я доверюсь мнению Олега Куваева, которое он высказывает в одном из писем к другу:

«...В литературе есть три Севера. Север ранней эпохи в дневниках полярных путешественников XVIII — XIX веков. Страшный, мрачный, ужасный и так далее. Север Джека Лондона — где борьба человека и природы идет на равных. И есть книга Бориса Горбатова "Обыкновенная Арктика". Я убежден, что в советской художественной литературе об Арктике равных этой книге не было и нет...

...Я внимательно слежу за тем, что печатается на "полярную тему" в журналах. Все это, в том числе и мое, перепев трех

мотивов — Джека Лондона, Бориса Горбатова и неких вейний журнала "Юность" конца шестидесятых. Жестоко, но это правда. Нет индивидуальности, нет прозаика, который бы открыл новую грань в новые времена системы Арктика — человек...»

Написано в 1970 году, а умер писатель в 1975-м. А вот как мыслил Чаадаев: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать её, предпочитаю унижать её, только бы ее не обманывать».

Оставим конъюнктурщиков, негодяев, писак, просто бесталанных, коих во времена Петра Яковлевича было не меньше (иначе бы он не породил такой пафос). Забудем о всем постыдном, что дала советская литература. Речь о другом: как относиться к тем, кто искренне желал сказать о своей родине правду, но «обманывался»? Как быть с теми, кто «добросовестно заблуждался»?

Крайний Север — составная часть всемирного мифа о совершенном обществе и гармоничном человеке. Не о коммунизме речь, о гораздо большем — о мечте. На Севере этот миф рухнул позже, потому что Север — дальше. Он не такой, как остальной мир, и всякий, оказавшись здесь, сам оказывался «не таким». В обществе идеологизированном, где власть зиждется на насилии и лжи, Север — одна из немногих правд и одно из немногих мест, где человек не испытывал в такой степени унижения от раздвоения личности. Можно сказать, что Север был прибежищем Правды. Мучительные вопросы: «Как жить не по лжи?» или «Как во лжи жить?» — не ставились здесь столь апокалиптически. Тяжелые условия, их сейчас называют экстремальными, не позволяли доминировать «героям» с низкими моральными качествами. Низкое здесь гасится, как гибнет зловредный вирус на устойчивом морозе.

Северяне лучше знают, когда именно романтизм уступил место прагматизму. Вероятно, то и другое существовало всегда, только в разных пропорциях. Но прагматизм стал доминировать в

одночасье, и не только на Севере. Поколение студентов пятидесятых и шестидесятых — счастливейшее из поколений уходящего века: им грезилась лучшая жизнь, они верили в мифы и, главное, воплощение этих мифов ставили в прямую зависимость от своей деятельности. (Счастливейшее, потому что за это их не убивали и от них не требовалось никого убивать.) Они и до сих пор находятся во власти мифов и оттого проигрывают повсюду, где в цене прагматизм и расчет.

«Мещанский конформизм, который проникает в нашу жизнь, — страшная сила. Я знаю многих людей с великолепными и любимыми специальностями, которые работают клерками в каких-то конторах, лишь бы не уезжать из Москвы... Это можно было бы понять, если бы они любили именно этот город. Они его не любят, но престижно жить в центре. Вторая болезнь все того же мещанского конформизма — болезнь накопительства и приобретательства. Сейчас она со скоростью эпидемии распространяется на Севере. Она при жизни делает человека глухим, слепым и мертвым ко всему, кроме мечты о собственных "Жигулях" и какой-то даче. Вот будет "это", и все будет хорошо. А это ложь. Хорошо уже не будет, так как человек отравлен».

Эти строки принадлежат тому же Олегу Куваеву. Что бы сказал сейчас, спустя четверть века, этот наблюдательный художник, почитаемый на Чукотском полуострове и в Магадане? Какими бы словами отозвался, глядя на то, как многие из его героев покинули воспетый им Север и живут в ухоженных квартирах, на роскошных дачах или в коттеджах, а ездят на чем угодно, только не на «Жигулях»? Что бы вывел пером, пройдясь по заброшенным поселкам и оставленным селениям? Какие бы советы дал певекчанам, марковцам или билибинцам, болеющим «накопительством» на спасительный отпуск и на учебу детям? Неужели упрекнул бы за приобретательство навыков по выживанию там, где уже и жить невозможно и правил бегства не существует? И как бы теперь назвал свой роман?

А теперь зададимся вопросом, имея в виду тех, кто будет после нас: какое им дело, обманывались мы или кто-то нас обманывал? Что им наши нравственные страдания и искания, разочарования и внутренние противоречия, если, «обманываясь», мы своей неправдой обманули их? «Отсутствие разменной монеты не освобождает от ответственности за безбилетный проезд», — так было написано в каждом советском трамвае. Но приглядитесь: не то же ли написано и на небесах?

Надеюсь, Вы мои литературоведческие изыски никому не покажете. Я с Вами прощаюсь и продолжаю чукотские странствования.

P.S. В своем анадырском жилище обнаружил стопку чукотских газет за 1993-й год. Я их просматриваю и кое-что намереваюсь использовать в будущей книге. Сегодня обнаружил рассказ Юрия Рытхэу, отрывок из которого вкладываю в письмо. Также посылаю заклинание шамана: вот образец подлинной литературы Чукотки!

Из рассказа Ю.Рытхэу «Мудрый старик»

«В доме жил сам Первый, и поэтому в подъезде дежурила милиция, что, в общем-то, устраивало не всех жильцов и, в особенности, Вээмвэкэта. Дело в том, что согласно обычаю тех лет, распространенному среди перспективных национальных кадров, он уже изрядно выпивал и порой с трудом открывал внушительную дверь в партийный дом и часто поднимался на свой четвертый этаж не без помощи дежурного. Жена ругалась, грозилась уехать к себе в Энмэлен, хотя здесь она устроилась после окончания Хабаровского медицинского института

прекрасно, в лучшую поликлинику города, обслуживающую местную элиту. Но случилось несчастье: у Вээмвэкэта открылся туберкулез. Он пролежал почти два месяца в больнице, а потом уехал в санаторий, на материк.

Но в санатории было тоскливо и скучно, и поэтому для поднятия настроения приходилось прибегать к спиртному. Тоска и скука усугублялась угрозами администрации выписать Вээмвэкэта. Не дождавшись этого, Петр Вээмвэкэт сам покинул санаторий, взяв билет на ближайший рейс самолета. Ранним утром, когда областной центр только еще просыпался, он вошел в знакомый подъезд партийного дома. Желая доставить молодой жене приятный сюрприз, Вээмвэкэт тихо открыл своим ключом квартиру, рывком распахнул дверь в спальню и громко объявил:

— А вот и я!

Вместо ответного радостного возгласа раздался испуганный взвизг и густая матерная брань: рядом с женой на супружеской постели лежал мужчина с волосатой грудью. Почему-то именно эта волосатая грудь больше всего разозлила Вээмвэкэта. Схватив в прихожей старенькое дробовое ружье, он наставил ствол на застигнутого любовника, который, очухавшись, умолял:

— Только не стреляй! Я сейчас! Я сейчас!

Он схватился за штаны, но наступил на них. Вээмвэкэт наконец-то узнал в мужчине персонального шофера Первого.

— Не трогай штаны! — заорал Вээмвэкэт. — Иди так!

Шофер жил на первом этаже этого же дома.

— Но, Петя, как же так? Я же так не могу... — бормотал шофер.

— Тогда — стреляю!

Вээмвэкэт взвел курок. Шофер не знал, что в ружье, по меньшей мере, года три не было патронов.

— Иду, иду! — выставив ладони вперед, как бы защищаясь от предполагаемого выстрела, бочком задвигался шофер. Волосатость мужчины распространялась и на тощий зад, заросший черной порослью.

Несмотря на внушительный вид и особую отделку, партийный дом отличался необыкновенной звукопроницаемостью. И поэтому шум распространился по всему зданию...»

«Советская Чукотка». N78-79, 8 апреля, 1993 г.

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ ПРИРУЧЕНИЯ ДИКИХ ОЛЕНЕЙ (Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Это диво! Это диво! Я вытаскиваю твою сердечную жизнь [tetkejun] вместе с аортой. Я тащу их через твой задний проход и присваиваю их себе. *(Человек, произносящий заклинание, поднимает с земли две щепки или два стебля, вынутые из оленьего следа, и вкладывает их в свою левую рукавицу. Вернувшись домой, он завертывает их в кусочек кожи и подвешивает над лампой во внутреннем пологе.)*

Это диво! Это диво! Я вытаскиваю твой желудок. Я тащу его через твой задний проход и кладу его, как мешок, на твой нос. Это диво! Это диво! Я превращаю тебя в ручную важенку. Как же так! Иди и поищи мужа себе среди людей Утренней Зари. Это диво! Это диво! Ты принес сына небесной трещины. Это диво! Это диво! Ты принес сына верхушки Утренней Зари. Это диво! Это диво! Ты принес сына "отдельных облаков". Это диво! Это диво! Я поставил тебя на широкую скалу. Это диво! Это диво! Я поставил

тебя в огромный овраг. Это диво! Это диво! Камнями, падающими с обеих сторон, я делаю глаза твои невидящими. Это диво! Это диво! Камнями, падающими с обеих сторон, я делаю твои уши неслышащими. Как? Я привязываю камни к кончикам твоих волос. Как? О, Зенит! Дай мне твой поражающий камень... (Человек, произносящий заклинание, делает вид, будто он что-то берет левой рукой.) Я положу его этому на темя, между рогами. Как? Я поставил тебя на огромное озеро. Это диво! Это диво! Я ставлю тебя, слепого, на ледник, который трещит и раскалывается с оглушительным шумом. Как? О, Зенит! Дай мне твою раздвоенную палку, я положу ее на эту шею. Стадо будет на нее наступать с обеих сторон. От Вселенной заговор ее я прошу. От Передней головы правого упряжного оленя прошу; смиренного быка прошу, впереди идущего в обозе. С аортой дикого оленя я их связываю. От середины Зенита сердечную жизнь извлекаю, этим ударяю тебя. Потом зову: "Ка, ка, ка!" Убежать не может по окончании связывания. Песчаную реку дорогой делаю, западный ветер зову и восточный ветер, чтобы от всех жительство дым принесли. Костер перед дверью развожу, большой очаг делаю. Потом я говорю: "Главный гость ты! Войди! Потом поедим дома, самую лучшую еду есть станем. Ты жену возьми, главный зять, ты!" Назавтра кочует народ, действительно желание идти с обозом обнаруживает [дикий олень]. Немного погода прирученного оленя убивают, весь заговор отдают обратно хозяевам. Правого оленя Передней голове возвращают. Потом делают колобки, все ветры кормят, в разные стороны бросают. Только».

*Сообщил Ајппавант, оленный чукча
в Колымском округе*